

ческого сионизма: «Евреев ненавидят за их достоинства, а не за пороки» («Еврейское государство»).

Ну а теперь что-то из «Гариков на каждый день» Игоря Губермана:

Всегда еврей везде заметен,
еврея слышно сразу от порога,
евреев очень мало на планете,
но каждого еврея – очень много.

После этого нужно вновь возопить: «Ну, погоди!», адресуясь не то к зайцу, не то к Феликсу Канделю, не то к Игорю Губерману, не то ко всем евреям сразу.

Но тут – я это чувствую – читатель начинает чуточку ерзать, и ему очень хочется узнать: а кто по национальности автор этой книги? Исповедь так исповедь. Моя мать – русско-украинских кровей (Кузнецовы и Соколовские), в отце намешано чуть больше долей: евреи, поляки и французы. Кто-то из родственников долго тряс генеалогическое древо и узрел еще одну ветку: греческую. Безелянский – грек? Безеляниади? Я долго смеялся по этому поводу. Но сам я себя считаю – нет, что значит «считаю»? – ощущаю русским. Я воспитан русской историей и русской культурой. Никаких вопросов и сомнений. Хотя я все же не стопроцентный русский, такой, как, скажем, член нашего клуба Василий Белов (он ждет не дождется своей очереди), по мировоззрению и по мироощущению я все же «гражданин мира».

В 1532 году, ровно за 400 лет до моего рождения и рождения других членов «Клуба 1932», Эразм Роттердамский писал в письме к Ульриху Цвингли: «Я хочу быть гражданином мира, общим другом всех стран или – еще лучше – гостем в любой из них».

Мечта величайшего из северных гуманистов – моя мечта. Но чисто утопическая. Однако мы явно заболтались...

✓
«Привычное
дело»
Василия
Белова

На сломе советской эпохи прогремела «деревенская литература». Ее подлинным классиком стал **Василий Белов**. Он родился 23 октября 1932 года в селе Тимониха Вологодской области, под знаком Скорпиона (первый Скорпион в нашем Клубе). Детство его не из радостных: «...да и сами мы голодовали – семья большая, пятеро детей, отец погиб на Смоленщине в 1943 году. Помню, и моя бабушка умерла от недоедания. Люди ходили с опухшими ногами...» («Правда», 15 апреля 1988).

Позднее, правда, Белов по-иному рисовал свое детство и юность:

«Еще полвека тому назад вокруг наших деревень с трех сторон шумели от ветра сосновые боры, перемежаемые еловыми гривами. Лесные сенокосные полянки с дымными низенькими избушками вкрапливались в это многоверстное хвойно-зеленое царство. Рыжики, грузди, кражница, малина, черника, смородина, морошка, брусника, дичь боровая, то бишь рябки и тетёры, пушное и мясное зверье, речки и ручьи с рыбой, смола и хвоя, корье для выделки кож, дрова и целебные травы, не говоря уж об основном материале для строительства, – все это было в изобилии, всего этого хватало трем тысячам взрослого населения, которое жило на земле нынешнего колхоза «Родина»...»

Живописуя этот деревенский рай и дальше, Белов затем резко сводит его на нет:

«Нынче, после полувека Советской власти, когда на той же территории живет всего несколько десятков крестьянских семей, лес вокруг вырублен. Как говорит мой сосед, все выхлестано. Ни людей, ни деревьев. Лесные речки высохли. Куда все подевалось? Ни рябины, ни зайца. Все, в том числе и люди, исчезло вместе с лесами...» (В. Белов. «Записки на ходу» – «Советская Россия», 6 июля 1991).

Кто виноват?! У Белова есть ответ, но пока вернемся к его биографии. Василий Иванович учился в деревенской школе, был сельскохозяйственным рабочим, столяром. С 1952 по 1955 год проходил военную службу. С 1956 года член КПСС. Печатал рассказы и стихи в периферийных газетах, а в 1959-м поступил в Литературный институт. С 1964 года Василий Белов живет в Вологде, стараясь, однако, как можно чаще бывать в родной деревне. Первым произведением, обратившим на себя внимание критики, была повесть «Деревня Бердяйка» (1961), напечатанная в журнале «Наш современник».

Повесть «Привычное дело» (1966) стала визитной карточкой Белова как писателя. Писателя настоящего. Крупного. «Новый классик родился в России», – восторженно говорили критики. В герое повести Иване Африкановиче Дрынове одни увидели идеальное воплощение национального русского духа, другие отмечали в нем удивительное социальное младенчество. И действительно, Катерина, жена Дрынова (далее цитата из Белова), «ломит на ферме. Можно сказать, всю орду поит-кормит. Каждый месяц то сорок, то пятьдесят рублей, а он, Иван Африканович, что? Да ни-

чего, с гулькин нос, десять да пятнадцать рублей. Ну, правда, рыбу ловит да за пушнину кой-чего перепадает. Так ведь это все ненадежно...»

Как отметил один французский критик, Дрынов – «ничем не выделяющийся колхозный возчик, но поэт и философ, сам того не ведающий». Можно только поражаться его непритязательности, сговорчивости, простодушию, совестливости и какой-то почти растворенности в природе, так что порой он сам воспринимается как неотъемлемая часть загадочной русской природы с ее лесами, полями, холмами, водоемами и раскинувшимся над ними бескрайним небушком, словно «провеянным, чистым, нет на нем ничего лишнего, один голубой простор» (Белов).

Наша критикесса Екатерина Старикова приравнивает жизнь Ивана Африкановича с существованием коровы Рогугли и других коров стада, идущего «в поскотину потому, что ему было все равно, куда идти...».

Некуда идти, поэтому и на жизнь не жалуешься? «Некуда идти, – говорится в «Привычном деле», – пока до бога доберешься, апостолы голову оторвут». Отогревая замерзшего воробья, Дрынов твердит: «Дело привычное. Жись. Везде жись. Под перьями жись, под фуфайкой жись... И всё добро, всё ладно. Ладно, что и родился, ладно, что детей народил. Жись, она и есть жись».

А стало быть, «делать нечего, надо было жить».

Повесть Белова многие иностранцы рассматривают как анатомию русской жизни, так, профессор Дж. Хоскинг в статье «Василий Белов – летописец советской деревни» отмечает: «...можно сказать, что через все произведения Белова проходит один мотив: сердце деревни надорвано коллективизацией, войной и урбанизацией...» («Вопросы литературы», 8–1982).

И в других книгах Василий Белов верен своей больной теме: «Плотницкие рассказы» (1968), «Воспитание по доктору Споку» (1978), роман-хроника «Кануны» (1972–1976), «Лад. Очерки о народной эстетике» (1978–1981), «Год великого перелома» (1989).

«Кануны» в свое время, в самую что ни на есть застойную пору, произвели эффект разорвавшейся бомбы. В романе были нарушены сразу несколько привычных табу – и едва ли не впервые не отдельные негодяи или перегибщики, но сама ВКП(б) в момент начала коллективизации изображена как деструктивная сила. Так определил суть книги Виктор Топоров.

Когда Белов «играет» на своей территории, то он весьма силен в описании и деталей сельского быта, и характера деревенских жителей, и, конечно, в языке (одни «Бухтины вологодские» чего стоят!). Но как только он вышел на чужую территорию, в город, то сразу вся его писательская палитра потускнела – и вместо художественности поперла одиозность. Это касается крайне неудачного и одиозного романа Белова «Все впереди» (1986). В нем Василий Иванович сделал попытку заклеить город и горожан как губителей деревни, чистоты и естественности народной жизни и достиг при этом комического эффекта. Беловский герой врач-нарколог Иванов кричит: «Сексологи пошли по Руси, сексологи! В Вологде, я слышал, медики открыли службу семьи. У женщин кисточкой ищут эрогенную зону...»

Нарколог Иванов – симпатичный Белову персонаж, а Миша Бриш – ненавистный (Бриш как Рабинович, а от Рабиновича до масонов рукой подать, вот откуда все мировое зло, по Белову). В романе «Все впереди» Белов раскрывает наконец тайну, кто погубил святую Русь. Это – Запад со своей дьявольской силой, используя три мощные силы (по-народному – пагубы: алкоголь, бюрократический аппарат (читай: чиновники) и средства массовой информации (это журналисты, и в первую очередь столичные). Отсюда и пафос романа: впереди ничего хорошего не будет. Впереди конец света. Все вокруг рушится, люди вырождаются, спиваются, погибают, становятся инвалидами и калеками – и в физическом, и в духовном смысле. Короче, грядет царство дьявола. Невольно вспоминается детство, крик во дворе: «Ребята, караул! Наших бьют!..»

Словом, вышел у Белова претенциознейший роман. И Андрей Мальгин в ужасе написал: «Неужели это он, Василий Белов, признанный мастер языка, замечательный художник, одним существованием которого гордилась – и не без оснований – наша словесность, неужели он написал – это?..»

И далее: «Скажу откровенно, называя вещи своими именами: мне, русскому человеку, стыдно, горько читать те страницы романа, на которых когда намеками, а когда и впрямую поощряется национальное высокомерие, утверждается рознь между представителями разных народов и народностей нашей страны. Нет, никогда не сеяла великая русская литература рознь между народами, никогда не играла на темных инстинктах читателя, никогда не унижала

представителей других национальностей» («Вопросы литературы», 1987, № 9).

Не мог пройти спокойно мимо национальных «откровений» Белова поэт-пародист Александр Иванов:

Ему приснился страшный сон:
Как будто он жидомасон.
И, к вящей радости всех нас,
Проснувшись, он Россию спас.

После романа «Все впереди» Василий Белов с удовольствием втянулся в политику и занялся активными поисками врагов, примкнув к остальным писателям, «обиженным» демократией и гласностью, – к Юрию Бондареву, Анатолию Иванову, Александру Проханову и прочим «заединщикам». Белов стал метать громы и молнии.

Все новое, что нарождалось в России, Белова раздражало и бесило, и он с гневом выступал в роли обличителя.

Михаил Поздняев писал в журнале «Столица» (36–1991): «По всей логике выходит, что у писателя Белова первые друзья – кагэбэшник Крючков, омоновец Пуго, фальшивомонетчик Павлов и Стародубцев, лютый враг крестьянства, о котором Белов написал столько трагических слов? И в придачу – опущенный алкоголик Янаев; это у пламенного трезвенника Белова?!»

Белов – в первых рядах «духовной оппозиции». «Покуда в душах ералаш и демократы жаром пышут» (это его стихи), он борется, он занят борьбой. С мэрами, префектами, с дьявольской денежной властью.

В статье «Эх, берегись лжепророков» в газете «Московский комсомолец» (10 января 1991) было такое восклицание:

«Как все-таки хорошо быть знаменитым писателем! С одной стороны, профессионально умеешь глаголом жечь сердца людей, даже если к штыку не приравняют твое перо. С другой – значение пустых слов в устах твоих полны приветом: говори, что хочешь, спорить не будут, не решатся, будут думать, что тут есть глубокий смысл, как в Библии...»

Демократы ругают Белова, а друзья-заединщики хвалят. Валентин Распутин в связи с 60-летием Василия Белова назвал его «рыцарем правды и защитником России. Неизменным, несгибаемым, неподкупным». «Всегда и во всем, – написал Распутин в газете «Советская Россия», – он рыцарь правды, сумевший в этомprostituированном и излукав-

ленном мире, диктующем сегодня вкусы, сохранять себя в духовной чистоте и целостности».

Похвала приятна, и «народный писатель земли русской» продолжает витийствовать:

«Были у народа иллюзии во время выборов. Хотелось чего-то нового, изменений. Люди пошли за новыми лидерами, поверили. А их обманули... Объявились целые полчища демократических кудесников и знахарей. Газеты, радио и телевидение пропускают на свои страницы, допускают в эфир, на экраны лишь то, что требуется демократам. На первом плане – деньги, секс, порнография, насилие...» («Правда», 23 октября 1992).

Августовский путч 91 года и борьбу людей за новую жизнь Василий Белов воспринял своеобразно, как «жалкие баррикады», на которые пришли «пьяные существа» – «волосатики» и проститутки. И никаких защитников свободы. Удивительное зрение у Василия Ивановича. Чем же так обидели демократы Белова? В том же интервью газете «Правда» он простодушно отвечает: «...я оказался без денег. Беднее писателя на Руси нет уже никого...» А в советские времена и издавали, и премии давали, и носили на руках (несмотря на критическую направленность беловских книг)... «А вообще все идет, как написано в Апокалипсисе» – это уже из другого интервью Василия Белова, которое он дал «Независимой газете» весной 1998 года. Ныне – жуть. А вот раньше!..

«Я помню себя с трех лет, помню, какой была моя деревня в 1935 году. Веселая, многолюдная деревня, в которой почти не болели. Люди веселились, пели, плясали... А как много, сильно, красиво работали в первые колхозные годы! Потом, когда государство стало унижать колхозников беспаспортной системой, налогами, грабить, отношение к труду, конечно, изменилось. Крестьянство выдержало все: коллективизацию, индустриализацию, войну, в которой спасло страну. Помню, как в войну в нашей деревне пали все лошади. Восемь баб, опоясавшись веревками, впряглись в плуг и пахали вместо лошадей. Потом так же боронили. Работали от зари до зари. Помню, как маленьким пахал сам: ручки плуга поднять не могу – умная лошадь ждет. В 1948-м я был счетоводом в харовском колхозе «Четвертая пятилетка», на трудодень выдавали сто пятьдесят граммов трухи и три копейки денег. Способны ли нынешние люди на такой подвиг? Сомневаюсь...»

Василий Иванович, миленький, но ведь то были настоя-

щие рабы, в душах которых жил страх перед сталинскими репрессиями, почему вы об этом не говорите сейчас?..

Еще одно откровение Белова:

«Я был в богатой Швеции и подумал, что не так уж ошибочны были наши коммунистические представления о капиталистическом обществе. Материально они богаче, духовно – значительно беднее нас. Я обошел весь Стокгольм, был во многих галереях и могу утверждать, что в Вологде хороших художников гораздо больше. Процветающая страна не создала ничего значительного ни в искусстве, ни в музыке. Бергманом гордится...»

«Ингмар Бергман – крупнейший художник XX века», – робко вставила словечко журналистка и тут же получила отповедь:

«Кино вообще, на мой взгляд, не искусство».

Далее Белов похвалил уваровскую формулу: православие, самодержавие, народность. И почти без перехода заявил, что русский народ погибает от пьянства, наркотиков и в результате «музыкального геноцида». Понимай так: не то поют, не то носят, и вообще – куда подевались все эти милые коробейники и сарафаны?..

О себе:

«Я занимаюсь литературой потому, что дело это люблю и оно мне интереснее во всех смыслах: и в политическом, и в экономическом, и в эстетическом. А начинал заниматься литературой от горечи и боли, испытанных еще в детстве. Тогда была большая боль (а когда же были веселье и пляски? – Ю.Б.). Я считал себя униженным и оскорбленным, как несколько поколений крестьян. У меня не было паспорта, я был крепостным. И ощущение несвободы испытывал в полной мере. Может, поэтому и окунулся в политическую жизнь, вступил в коммунистическую партию. Проявить себя тогда можно было в одних рамках, в партийных. Вступил в партию с верой, что буду бороться с несправедливостями в стране – хотя бы за то, чтобы у крестьян были паспорта...»

Традиционный вопрос – о творческих планах. Белов:

«Продолжаю работать, сколько могу, хотя работается уже не так, как раньше. Не так легко и не так интересно. Подчас приходится заставлять себя работать, чтобы не отставать. Издана моя историческая хроника «Кануны». Продолжаю работать над третьей книгой под названием “Час шестой”».

«Чувствуете себя счастливым?»

«Я не знаю, что значит счастье. Наверное, это спокойная

семейная жизнь. Мое счастье зависит от здоровья моих родных и близких. Когда умерла мама, я три года не мог ничего делать, ни читать, ни писать... Боль не прошла до сих пор». («НГ», 11 апреля 1998).

Вот таким предстал перед нами Василий Белов, крупнейший писатель-деревенщик, славянофил новой формации, борющийся с «тлетворным влиянием» Запада, отвергающий начисто и свободные экономические, и эрогенные зоны. Василий Иванович твердит все по-старому: печки-лавочки. Он весь повернут в старину, и его герои – Восток, патриархальность и деспотия.

Услышь же глас судьбы, воспрянь в сиянье новом,
Проснись, дремлющий Восток!

Нет, это не Белов написал, а один из главных славянофилов Алексей Хомяков (1804–1860). Для Хомякова все добродетели заключались только в народности, и именно в русской. А на долю общечеловеческого, то есть «западного», приходится только недостатки и пороки. Так, западная жизнь, по Хомякову и Белову, «всякой мерзости полна». Поистине ничто не ново под Луной!..

«**Партия — наш рулевой**» — Но оставим в покое Василия Белова, тем более что он отложил перо и взялся за кисть (как Войнович?). Рисует этюды. И дай Бог ему сочных красок и семейного счастья с дражайшей супругой Ольгой Сергеевной, учительницей русского языка и литературы. А нам с вами надо продолжать парад членов нашего Клуба.

Владимир Ивашко родился 28 октября 1932 года в Полтаве в семье рабочего, украинец. В 1956 году окончил Харьковский горный институт, защитил кандидатскую диссертацию и занялся преподавательской деятельностью, а попутно и партийной. И тут Ивашко ждал взлет: 1978 год – секретарь Харьковского обкома партии. С 1986 года – секретарь ЦК компартии Украины, а с сентября 1989 года уже первый секретарь ЦК компартии Украины. Далее – член Политбюро ЦК КПСС. Чем-то он понравился Михаилу Горбачеву, и тот предложил ему пост заместителя Генерального секретаря ЦК. 11 июля 1990 года Ивашко был избран на этот пост, легко обойдя лидера консервативного крыла партии Егора Лигачева. Но недолго били барабаны: в августе 1991 года Горбачев рекомендовал самоликвидацию высших партийных органов, а в ноябре того же года Борис Ельцин запретил деятельность КПСС в России.